

Петиция соблазнителя против воли / рассказ

Category: Некаýалар, Kitарсу

написано kitарсу | 24 января, 2025

Петиция соблазнителя против воли / рассказ ПЕТИЦИЯ СОБЛАЗНИТЕЛЯ ПРОТИВ ВОЛИ

Господа председатели,

Господа судьи,

Господа присяжные!

Дожив до таких лет, когда седины служат порукой бескорыстия в данном вопросе, я позволю себе поднять протест против ваших приговоров, против возмутительной пристрастности ваших решений, против какого-то слепого почтения к слабому полу, из-за которого вы неизменно оправдываете женщину и обвиняете мужчину, как только на ваш суд выносится любовное дело.

Господа, я старик, я за свою жизнь много, или, вернее, часто любил. Как ни настрадалось мое бедное сердце, оно все еще трепещет при воспоминании о былых ласках. И в грустные одинокие ночи, когда прошлое встает перед нами только как изжитая иллюзия, когда давние увлечений, поблекшие наподобие старинных гобеленов, внезапной тоской сжимают грудь, а на глаза навертываются слезы безнадежности, в такие ночи я открываю простую ореховую шкатулку, где лежат мои жалкие любовные сувениры, где покоится моя, ныне завершенная, жизнь, и дрожащими пальцами ворошу прах всего того, что было мне дорого на земле.

Но вовсе не об этом собираюсь я говорить с вами. Я только хотел показать, что и ко мне не раз бывали... снисходительны, хоть нет мужчины застенчивей, неуверенней, нерешительней меня. Я до такой степени застенчив, что никогда бы сам не отважился... вы понимаете на что, если бы женщины не отваживались за меня. И я задним числом додумался до того, что в девяти случаях из десяти соблазнен, обманут, подчинен, связан жестокими путами бывает мужчина, тот, кого вы клеймите как совратителя. Он

добыча, а охотник – женщина.

Недавно в Англии разбиралось дело, которое послужило мне толчком к раскрытию истины.

Некая девушка – продавщица в магазине – была, как по-вашему называется, соблазнена молодым морским офицером. Девушка уже вышла из юного возраста и успела познать любовь. Спустя некоторое время офицер ее бросил. Она покончила с собой. Английские судьи не находили достаточно бранных слов, оскорбительных, унижительных, бичующих выражений, чтобы заклеить подлого растлителя.

Вы, господа, поступили бы точно так же. Так вот, вы не знаете, не понимаете женщины, вы чудовищно несправедливы.

Выслушайте меня.

Когда я был совсем еще молодым офицером, мой полк стоял гарнизоном в одном приморском городе; я бывал в обществе, любил танцевать и, как уже говорил, отличался большой застенчивостью. Но вот мне показалось, что одна женщина зрелых лет, хотя еще очень привлекательная, замужняя дама, мать семейства и притом безупречной репутации, особо отличает меня. Во время вальса ее глаза так упорно искали мои, что ошибки быть не могло. Разумеется, она ничего мне не сказала. Разве женщина когда-нибудь говорит первая, разве она может, должна говорить? Зато она умеет посмотреть таким взглядом, который будет куда более вызывающим, нескромным и недвусмысленным, чем самые наши пылкие излияния. Вначале я делал вид, будто ничего не понимаю. Но от этого настойчивого немого вызова у меня в конце концов закружилась голова. Я начал нашептывать ей всякие нежности. И вот однажды она мне отдалась. Я, видите ли, соблазнил ее. Сколько раз она упрекала меня за это!

Она воспыкала ко мне грозной, ненасытной, свирепой страстью.

– Ты сам добивался меня, – говорила она.

Что я мог ответить? Поставить ей в вину взгляды? Посудите сами, господа. Ведь словами-то она ничего не высказывала.

Наконец я узнал, что мой полк переводят. Я был спасен. Однако как-то вечером, часов около одиннадцати, она появилась в моей офицерской комнатке.

– Ты уезжаешь, – сказала она, – и я пришла предложить тебе

самое большое доказательство любви, какое только доступно женщине: я поеду с тобой. Ради тебя я брошу мужа, детей, семью. Я погублю себя в глазах света и покрою позором своих близких. Но мне радостно сделать это для тебя.

Холодный пот проступил у меня на спине. Я схватил ее руки, умоляя не приносить этой жертвы, которую я не вправе принять; я пытался успокоить, образумить ее. Тщетный труд.

– Неужели ты подлец? – прошипела она, глядя мне прямо в глаза.

– Неужели ты тоже способен соблазнить женщину и бросить ее, когда вздумается?

Это обвинение я отвел. Зато я постарался ей показать, что ее поступок безрассуден, что он роковым образом отразится на всей нашей жизни.

Она же упорно твердила одно:

– Я тебя люблю!

Под конец, потеряв терпение, я сказал ей напрямик:

– Я этого не хочу и не допущу, чтобы ты ехала со мной.

Она встала и, не сказав ни слова, ушла.

На следующий день я узнал, что она пыталась отравиться. Целую неделю она была между жизнью и смертью. Ко мне пришла ее подруга и наперсница, наговорила мне много обидного и назвала мое поведение бесчестным. Но я не сдался. Целый месяц я ничего определенного не слышал о ней. Говорили только, что она очень больна. Потом вдруг та же приятельница объявила мне, что она в безнадежном положении и может найти силы для жизни только, если я обещаю любить ее. Я пообещал все что угодно. Она выздоровела. Я увез ее.

Разумеется, мне пришлось выйти в отставку. И мы два года прожили вместе в маленьком итальянском городке мучительной жизнью порвавших с обществом любовников

Однажды утром, когда я был один, явился ее муж. Он не стал оскорблять меня, даже не выразил гнева. Он приехал, чтобы вернуть жену, не ради себя, а ради детей, ради их дочек.

Поверьте мне, господа присяжные, я с восторгом отпустил бы ее. Как только она пришла, я оставил ее наедине с покинутым супругом. Она отказалась уехать с ним. Я, в свою очередь, просил, умолял ее. Поистине дикая и неправдоподобная ситуация:

я заклинал ее бросить меня, а он – вернуться к нему.

Она крикнула нам: «Оба вы негодяи!» – и выбежала из комнаты.

Муж взял шляпу, поклонился мне со словами: «От души сочувствую вам, сударь!» – и ушел.

Я прожил с ней еще шесть лет. По виду она годилась мне в матери. Она умерла.

Так вот, господа, раньше об этой женщине никто дурного слова не мог сказать. За ней не числилось никаких увлечений, и в глазах общества именно я ее погубил, обесчестил, убил. Я навлек позор на ее семью, забрызгал грязью все вокруг. Я негодяй и подлец.

Вы в один голос осудили меня.

Эта история наделала шума. Я прослыл соблазнителем. Все женщины смотрели на меня с волнением и любопытством. Мне стоило только руку протянуть, чтобы увлечь любую. Я несколько раз влюблялся, и мои избранницы изменяли мне. А остальные всячески меня поносили. Словом, передо мной неизменно вставал выбор: либо быть Иосифом и пожертвовать своим плащом, либо отдать себя на растерзание львицам.

Я кончаю, господа.

Посмотрите на Париж между двенадцатью и часом дня. Вы увидите юных девушек-модисточек, попарно, без шляпок разгуливающих по тротуару, бросающих дерзкие, задорные взгляды, готовых согласиться на любое свидание, ищущих любви на улицах.

Это все ваши подопечные. Загляните им в сердце. Послушайте их разговоры.

– Нет, душенька, если уж мне посчастливится найти богатого кавалера, будь покойна, он меня не бросит, как бросил Амели. А не то угощу его серной кислотой.

И когда какой-нибудь славный малый проходит мимо, его до самого сердца пронизывают выразительным взглядом, говорящим: «Когда вам будет угодно». Он останавливается: девица миловидна и покладиста – он уступает.

Месяц спустя вы на чем свет ругаете и осуждаете мерзавца, покинувшего несчастную соблазненную девушку.

Итак, кто же здесь гончая, а кто дичь? Запомните, господа: для женщин любовь – основа жизни. Они играют нами, как кошка

мышью. Девушка ищет мужа повыгодней.

И те, кто ловит любовников, преследуют такую же цель.

А когда мужчина, почуяв ловушку, вырывается у них из рук, они мстят ему, по примеру охотника, который стреляет в кролика, выскользнувшего из силка.

* * *

Напечатано в «Жиль Блас» 12 января 1882 года; первая редакция новеллы «Страсть», помещенной в настоящем томе.

Ги де Мопассан. Полное собрание сочинений в 12 тт. Том 10.

Библиотека «Огонек», Изд. «Правда», М.: 1958

Перевод Н.Касаткиной Некаýаlar